

Гвардеец из Анавгая

Гвардейский полк 122-миллиметровых гаубиц резерва Главного командования готовился к бою. Артиллеристы всю ночь оборудовали огневые позиции и разгружали снаряды. Спешили. Закончив работу к рассвету, накинув ватники на пропотевшие плечи, солдаты ожидали команду в готовности. Заметно похолодало. Восток алел, а на Западе зловещий дым пожаров закрывал низкую облачность. Частые вспышки ракет теряли яркость. Пулеметные очереди не утихали, глухо ухали взрывы снарядов. Впереди Киев!

Иннокентий Солодиков с товарищем пошли за завтраком для расчета. Выбравшись из лощины, где окопались орудия, они увидели как много войск вокруг. Справа на взгорке зарылись длинноствольные пушки, слева и далеко позади тоже что-то виднелось. Передовая рядом, а ночью казалось, что до немцев не меньше километра.

Наполнив котелки, понимая друг друга без слов, солдаты бегом помчались обратно. Бой, как всегда, начался неожиданно. Над позицией низко пронеслись три самолета и сразу взрывы, длинные пулеметные очереди, звонкое таканье скорострельных зениток и первый залп батареи. Началось!

Немцы открыли ответный огонь. Спрессованный воздух сбил с ног, заныло в ушах, но — обошлось. Схватив снаряд, Иннокентий лягнул затвором: «Готово!». Выстрел и сразу: «Заряжай!». Гул и грохот были такими, что взрывов уже не было слышно. Команды подавались жестами. Оставляли в небе огненный след — пронеслись ракеты «катюш». Огонь вели многие сотни стволов.

— Давай!!! — не слыша себя, кричали солдаты. Ватники сброшены — жарко.

Канонада длилась сорок минут. Рука командира поднялась и застыла.

— Отставить! — дошло до сознания. Орудие прекратило стрельбу. Наступившая тишина глушила. Звуки казались далекими, земля гудела. Окоп завален гильзами, несло едкий газ от сгоревшей взрывчатки, тяжелый белый дым стелился у самой земли.

Это было только начало! Пошла пехота и танки — линия обороны прорвана, но в глубине враг еще сопротивлялся. Весь день батарея вела огонь, продолжая уничтожать ожившие огневые точки противника. Немцы подтащили резервы и отвечали шквалам артиллерийских налетов, но их огонь не причинял особого беспокойства.

Вечером орудия продвинулись километра на четыре и с ходу открыли огонь. Окопов не было. К утру еще раз сменили позицию.

Шли раненые — «тяжелых» несли. Огненные стрелы «катюш» чертили темное небо. В глубине обороны противника, в черных клубах вздыбленной земли, взлетали вверх бревна и искореженный металл, что-то горело и рвалось, но солдаты расчета не видели этого. Успех радовал — усталость не чувствовалась.

Только у разрушенных окраин Киева батарея уже почти не стреляла. В город ушел малый калибр — крупный стоял в готовности. Вокруг следы недавнего боя. Траншеи завалены, везде сплошные воронки и участки горелой земли, исковерканные пушки, черные короба танков и трупы немцев.

— Хорошо поработали! — шутили солдаты.

А кое-кто прибавлял:

— Это вам, фрицы, не 41-й.

Рядовой артиллерист, как и любой солдат, не всегда знает название боя, в котором участвует. Гаубичный полк прибыл на фронт весной с Дальнего Востока. Первые дни огонь вели редко. Снарядов имели не больше комплекта. Меняли позиции, окапывались, спасались от частых бомбежек. Но так было недолго.

Летом полк принял новые ступенчатые расчеты, пополнившись, от снарядов ныла спина, уже не комплект, а десять комплектов были в запасе. Располагаясь рядом с пехотой, огонь вели ежедневно, участвуя в мощных артиллерийских ударах. Бомбежки почти прекратились. Из прибывшего состава в расчете осталось три человека — Иннокентий стал «стариком».

Тяжело видеть убитых товарищей. Трудно было смотреть в изможденные лица людей освобожденных разрушенных сел. Войска наступали. Полк вел бой на подступах к Белгороду. Поражая огнем противника в глубине обороны, расчеты входили в прорыв вслед за пехотой. На Харьковском направлении, под натиском танков, тяжелые орудия остались один на один против немцев. Гаубицы выкачивали на прямую наводку, хотя для этого они не рассчитаны. Иннокентий отбивал атаку пулеметным огнем и радовался, видя убитых им немцев.

После Харькова поредевшие батареи вывели из боя. Полк стал гвардейским. Солдаты приняли клятву, многим вручили награды. Грудь Иннокентия украсила медаль «За отвагу». Там он узнал, что 13-я армия входит в состав 1-го Украинского фронта, а те тяжелые бои называются «Курской битвой», где их батарея билась немцев на левом фланге знаменитой дуги.

Поступила новая техника, расчеты пополнились и снова в бой. Солдаты считали, что Киев — не Харьков и Днепр — не ручей, что бой будет трудным, но не прошло и недели, а Киев взят. Возросла мощь наших войск!

Ночью батарея в составе полка пронеслась через Киев. Шли на Житомир, по не сильно поврежденной дороге. Развернулись в холмистой степи. Линии фронта не было. Вперед ушла пехота и танки. Пулеметные очереди слышались всюду. Немец собрал силы и на узком участке рвался к Киеву. Утром праздничного ноябрьского дня дорога опустела. Движение во-

йск замедлилось. Со стороны Житомира шли раненые.

— Бьет, гад, спасу нет! Давай артиллерия! — шутили солдаты. Через сутки батарея, готовая к бою, развернула стволы на дорогу, на которой показались немецкие танки. Залпы взметнули все вверх. Черный дым, клубы пыли и частые взрывы смешались. Танки горели, по оставшимся стреляли на ходу, пошли фронтом.

Иннокентий увидел рваную полу шинели. Успел удивиться, но жгучая боль заставила выронить взятый снаряд. Темные круги, сильный взрыв и бесконечное падение затмили сознание.

Очнувшись от холода и тряски, Иннокентий хотел приподняться, но не мог. На лицо приятно легла, чья-то ладонь.

— Потерпи, — услышал он женский голос. В небольшом уцелевшем селе госпиталь только разворачивался. Ему повезло — еще бы сантиметр, ... но сутки на холоде...

Трудно было в первые дни. Боль в животе ходила волной. В глазах взвились ракеты и рассыпались огнем, превращались в цветы Камчатской тундры, где Иннокентий совсем недавно выпасал колхозных оленей. Это «недавно» было так давно, что три года казались столетием. Боль отступала, исчезли цветы, вспомнились товарищи, он так и не видел, чем закончился бой с теми танками.

И опять Камчатка — родное село Анавгай. Он мечтал об армии, а призыв пропустил... В те годы в тундре не было связи. Службу начал в Хабаровске перед самой войной. Смешно вспомнить первые трудности. Силенок хватало, а умения не было. Хорошо командир помог поверить в себя. Что было, если бы он пришел на фронт не обученный? Такого не могло быть, но рассказывают, что в начале войны все было. Боль напознала, вспышки ракет, цветы тундры, а у орудия затвор закрыт... Как там в расчете? Скорей бы к своим!

Врачи помогали, а воля солдата и молодость брали свое. Через неделю Иннокентий уже поднимался, а через две начал ходить. Житомир взят, но гул войны слышен был в госпитале. Только в конце января Иннокентий окреп. Армия где-то под Корсуном, но армия — не расчет орудийный, а о Корсуне он услышал впервые. Солдату на фронте трудно искать свою часть, когда он ищет не часть, а свою батарею.

В забитом войсками поселке Иннокентий увидел своего командира. Встретились по-родственному — радостно. После многих боев, в каждом подразделении всегда остаются солдаты, которых ничто не берет. Это опытные и смелые воины, они не погибают и, не взирая на воз-

раст и звание, образуют боевую семью.

— Пойдешь, сержант, ко мне во взвод? — улыбаясь, спросил лейтенант. Иннокентий был рад, но почему взвод и сержант? Оказалось, что он назначен командиром расчета, а лейтенант стал командиром взвода разведки.

В штабе позвали к замполиту полка. Доложиться по чести и «смирно» застыл. Гвардии майор порывшись в сумке, махнул рукой и по памяти: «От имени и по поручению... награждается...». Улыбаясь, приколот на грудь орден Славы 3-й степени. Иннокентий взмок, но не растерялся и ответил: «Служу Советскому Союзу!».

После традиционной обмывки, в погонах сержанта, Иннокентий пошел проводить своих. Такая же местность, как и под Киевом. Следы разрывов немецких снарядов, такие же щели, окопы, укрытия ... вот и расчет... На его «Здорово ребята» поднялись незнакомые солдаты и только один радостно бросился навстречу. Солдаты затихли, как будто кто-то команду подал и Иннокентий вспомнил, что он же сержант.

То же орудие, знакомые следы на стволе от осколков, тот же расчет, но нет дорогих его сердцу ребят. Только один товарищ остался, да вот еще сам он...

Лейтенант с двумя связистами уже ожидал.

— Пойдем, Кеша, пойдем. Иннокентий, нас ждут, — понимающе говорил он. До переднего края рукою подать, но здесь начиналось царство пехоты. Изрытое поле простреливалось. Согнувшись, а где ползком, добрались до окопа разведчиков. Это отсюда подается команда на батареи, это здесь начинаются расчеты прицельной стрельбы. Артиллерийский разведчик должен все видеть, его орудие — стереотруба и бинокль.

Лейтенант объяснил отсчеты, показал ориентиры и цели. Иннокентий знал эту науку — пригодилась учеба в Хабаровске. Взвод имел не один наблюдательный пункт. Схемы стрельбы готовились заранее.

В этот же день полк участвовал в последнем артиллерийском ударе по Корсунь-Шевченковскому выступу. Мощный огонь подавил сопротивление, и пехота успешно пошла добывать немцев. Иннокентий пошел следом, но получил приказ возвращаться на огневую позицию. Полк снялся и быстро пошел на север. Сделав свое дело, артиллерия резерва шла на другой участок предстоящего боя.

Б. П. Сибилев, участник Великой Отечественной войны.
Продолжение читайте в следующем номере.

Гвардеец из Анавгая

Иннокентий недоуменно воспринял легкость службы разведчика, пока не почувствовал тяжесть ответственности. Гвардии лейтенант — командир, учитель и друг — требовал и спрашивал жестко. Выдвигаясь вперед, взвод артиллерийской разведки изучал местность, вел наблюдения, составлял схему стрельбы. Батареи ставили орудия в указанном месте и, получив данные, поражали врага с хода. Разведчик не имеет право на ошибку, никаких оправданий, а времени всегда мало. Отступая, немцы создавали новые укрепления — артиллерия подавляла их мощь.

Полк участвовал в боях за освобождение Ровно, уничтожал укрепления под Львовом, пробивал оборону под Сандомиром и Станиславом. В постоянных заботах успеть, разведчики пересекли границу. Дрогобыч, Самбор, Ужгород и много других направлений...

Иннокентий командовал отделением и сам уже учил молодых. Не было случая, чтобы приказ не был выполнен, хотя доставалось это тяжелым трудом. В горах не бывает сплошной линии фронта, а цели врага всегда на обратных склонах. Иннокентий с отделением уходил в тыл к немцам и оттуда, по радиации, корректировал огонь батарей.

В заснеженных Карпатах, после боя на перекрестке дорог под Ужгородом, Иннокентия приняли в партию. Рекомендации дали знавшие его командиры. После требований и жестких приказов, приятно слышать хорошие отзывы. Радостно было ощущать себя коммунистом.

Полк вел огонь на территории Германии. Трудно пришлось на захудалой немецкой реке Нейсе. Тысячи стволов с обеих сторон почти месяц извергали огонь, не давая пехоте подняться. Только самоотверженность и мастерство наших воинов создали перевес над врагом. Там, в бою под Гросс-Крауше, Иннокентий был ранен вторично, но уже через месяц из медсанбата он возвращался в свой взвод.

В немецком лесу, под Виттенбергом, при очередном пополнении заслуженным воинам вручались награды. Грудь Иннокентия украсил орден Красной Звезды.

Армия не пошла на Берлин, а повернула в Чехословакию. Гаубичный полк бил немцев под Прагой. Вражеские войска, сжатые как пружина, оказывали серьезное сопротивление. Наши войска продвигались медленно — артиллерии хватало работы. Немцы ценою огромных потерь временно добивались

успехов. Отделение Иннокентия корректировало огонь в окружении. Разведчики погибали, но побеждали врага.

Только 9 мая перестали рваться снаряды — Прага была спасена. Война закончилась! Ликованию пражан не было предела: раздавались здравицы, солдат приветствовали, обнимали. В эту первую ночь в Праге никто не спал. Не спал и Иннокентий. Радостно было на сердце, но неловко без привычного дела. Еще вчера, маскируясь, он вызывал огонь батареи, а сегодня уже не нужно прятаться, нет вражеских целей. Можно думать о будущем. Вспомнилась жизнь на Камчатке. Солдат разделял радость товарищей, а мыслями был в родном Анавгае.

Окопы не рыли. Солдаты приводили в порядок себя и оружие. Началась мирная служба. На торжественном построении, в числе многих солдат и офицеров, Иннокентий стал кавалером ордена Отечественной войны. Орден вручил командир полка, помнивший Иннокентия еще по Хабаровску.

В конце мая полк начал марш на Восток. Иннокентия вызвали в штаб, а оттуда с группой товарищей быстро доставили в Брест. Ничего еще не зная, солдаты и офицеры, в составе только что сформированных рот, в непривычных классных вагонах, направлялись в Москву. Это был сводный полк 1-го Украинского фронта, предназначенный для Парада Победы.

Кто из фронтовиков не мечтал после войны побывать в Москве? Мечтал об этом и Иннокентий. Но он не мог подумать, как щедро будет вознаграждена его несбыточная мечта! 24 июня 1945 года сын маленького народа большой Советской семьи, заслуженный воин-победитель, звен, гвардии сержант Иннокентий Иванович Солодилов четко шагал в строю по Красной площади! Участники Парада Победы навсегда запомнили, оставшийся в истории тот ласковый московский дождик. Радостный, счастливый дождь Победы — как доброе напутствие на долгий путь Мира!

Брошены фашистские знамена и штандарты. Полк шагает

по улицам Москвы. Рассеялись тучи и выглянуло солнце. Москвичи подносили цветы. Не было предела радости на душе каждого!

В тот победный год, Иннокентия и таких же как он воинов, часто встречали цветами и улыбками радости. За долгий путь на Камчатку он увидел, как много значит Мир для советских людей. Много радости было и в Анавгае. В родном селе Иннокентий уже не ходил строевым, но не было человека, не поздравившего его с Победой! Приходили уважаемые старики, приходили ровесники и совсем молодые, рассматривали и руками трогали ордена, расспрашивали. Иннокентий, не уставая, рассказывал. Немного солдат ушло на фронт из Анавгая, а вернулось совсем мало.

После встреч и хорошего отдыха Иннокентий был избран секретарем районного комитета комсомола и много лет занимался воспитанием молодежи. Повзрослев, избирался председателем Анавгайского сельского совета, где приходилось

решать нелегкие проблемы устройства жизни односельчан. Это в его бытность из маленького колхоза был создан совхоз, появились добротные дома для оленеводов и невиданные в этом краю овощи. Это благодаря работе Иннокентия Анавгай стал превращаться в красивое село — достаток приходил в каждый дом. Старое не забывалось. Армейская закалка, нравственность коммуниста и воля солдата очень помогали в мирном труде. Не забывал Иннокентий и молодых. Много раз выступая, рассказывал он о службе, о том, как добывалась тяжелая Победа.

Шли годы... Жизнь улучшалась, только у старых солдат ныли кости от ран. Сказывалось то трудное время, когда на пределе возможности они отстояли настоящую мирную жизнь.

Не стало Иннокентия... Не дожил герой до 40-летия Победы, которую он добывал, не щадя своей жизни.

Лежит гвардеец войны и труда в родной анавгайской земле под обелиском с пятиконечной звездой. Лежит солдат, пронесший славу народа в боях за Отечество от Камчатки до далекой чехословацкой земли.

Б.П. Сибилев,
участник Великой
Отечественной войны

71 год назад 24 июня состоялся Парад Победы на Красной площади в Москве. Среди участников Парада Победы были и наши земляки — камчатцы. Много воды утекло с тех пор в быстрых камчатских реках, прошло много событий. В этот день жители и гости Анавгая на сельском кладбище открыли надгробие на могиле ветерана войны, гвардейца Иннокентия Ивановича Солодилова.

На небольшом митинге прозвучали слова памяти и благодарности воинам-фронтовикам, вспомнили о боевом пути И.И. Солодилова. Земляки со слезами на глазах рассказывали о поколении фронтовиков, отдавшим все, что у них было, для своей страны, для будущих поколений.

С большим сожалением родственники ветеранов говорили, что, когда были живы ветераны, им были не очень интересны их рассказы о той страшной войне. Но сейчас, спустя годы, уже сами бабушки и дедушки очень многое бы отдали за это.

**На фото: на церемонии
открытия надгробия
И.И. Солодилову.
Наш корр.**

